

НАШЪ ЯЗЫКЪ.

«Духовно существуетъ Россія... Она задумана въ мысли Божіей. Разрушить замысль Божій не въ силахъ злой человѣческой произволь». Такъ писалъ недавно одинъ изъ тѣхъ патріотовъ, коихъ, очевидно, только вѣра въ хитонъ цѣльный, одноканый, о которомъ можно метать жребій, но котораго подѣлить нельзя, спасаетъ отъ отчаянія при видѣ раздранной ризы отечества... Нарочито свидѣтельствуеть о правдѣ выше приведенныхъ словъ нашъ языкъ.

I.

Языкъ, по глубокомысленному возрѣнію Вильгельма Гумбольдта¹, сть одновременно дѣло и дѣйственная сила (ἔργον и ἐνέργεια); соборная среда, совокупно всѣми непрестанно творимая и вмѣстѣ предваряющая и обуславливающая всякое творческое дѣйствіе въ самой колыбели его замысла; антиномическое совмѣщеніе необходимости и свободы, божественнаго и человѣческаго; созданіе духа народнаго и Божій народу даръ. Языкъ, по Гумбольдту, — даръ, доставшійся народу какъ жребій, какъ нѣкое предназначеніе его грядущаго духовнаго бытія.

Великъ и прекрасенъ даръ, уготованный Провидѣніемъ народу нашему въ его языкъ. Достойны удивленія богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучіе, его звуковая и ритмическая пластика, его прямая, многовмѣстительная, мѣткая, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода въ сочетаніи и расположеніи словъ, его многострунность въ ладѣ и строѣ рѣчи, отражающей неуловимые оттѣнки душевности. Не менѣе, чѣмъ формы цѣлостнаго организма, достойны удивленія ткани, его образующія, — присущія самому словесному составу свойства и особенности, каковы: стройность и выпуклость морфологическаго сложенія, прозрачность первозданныхъ корней, обиліе и тонкость суффиксовъ и приставокъ, древнее роскошество флексій, различіе видовъ глагола, невѣдомая другимъ живымъ языкамъ энергія глагольнаго аориста.

Но всего этого мало! Языкъ, стяжавшій столь благодатный удѣлъ при самомъ рожденіи, былъ вторично облагодатствованъ въ своемъ младенствѣ таинственнымъ крещеніемъ въ животворящихъ струяхъ языка церковно-славянскаго. Онѣ частично претворили его плоть и духотворно преобразили его душу, его «внутреннюю форму». И вотъ, онъ уже не просто даръ Божій намъ, но какъ бы даръ Божій сугубо и вдвойнѣ, — преисполненный и приумноженный. Церковно-славянская рѣчь стала подъ перстами боговдохновенныхъ ваятелей души славянской, свв. Кирилла и Меѳодія, живымъ слѣпкомъ «божественной эллинской рѣчи», образъ и подобіе которой внѣдрили въ свое изваяніе приснопамятные Просвѣтители.

Воистину ѳеургическимъ представляется ихъ непостижимое дѣло, ибо видимъ на немъ, какъ сама стихія славянскаго слова самопроизвольно и любовно раскрывалась навстрѣчу оплодотворяющему ее наитію, свободно поддавалась налагаемымъ на нее высшимъ и духовнѣйшимъ формамъ, отклоняя нѣкоторые изъ нихъ какъ себѣ

¹ Гумбольдтъ Вильгельмъ (1767—1835) — нѣмецкій философъ, языковѣдъ, государственный дѣятель.

чуждыя и порождая взаѣмъ изъ себя самой требуемыя соотвѣтствія, не утрачивая ни своей лексической чистоты, ни самородныхъ особенностей своего изначальнаго склада, но обрѣтая въ счастливомъ и благословенномъ бракѣ съ эллинскимъ словомъ свое внутреннее свершеніе и полноту жизненныхъ силъ вмѣстѣ съ даромъ историческаго духовнаго чадородія.

II.

Вслѣдствіе ранняго усвоенія многочисленныхъ вліяній и отложеній церковно-славянскою рѣчи, нашъ языкъ является нынѣ единственнымъ изъ новыхъ языковъ по глубинѣ впечатлѣній въ его самостоятельной и безпримѣсной пламенной стихіи — духа, образа, строя словесъ эллинскихъ, эллинской «грамоты». Черезъ него невидимо сопричастны мы самой древности: не запредѣльна и внѣположна нашему народному гению, но внутренне сопринродна ему мысль и красота эллинскія; уже не варвары мы, поскольку владѣемъ собственнымъ словомъ и въ немъ преемствомъ православнаго преданія, оно же для насъ — преданіе эллинства.

И какъ преизбыточно многообразенъ всеобъемлющій, «икуменическій», «каѳолическій» языкъ эллинства, такъ же вселенскимъ и всечеловѣческимъ въ духѣ становится и нашъ языкъ, такъ же пріобрѣтаетъ онъ способность сочетать ясность съ глубиной, предметную осязательность съ тончайшею, выпреннѣйшею духовностью —

И здраво мыслить о землѣ,
Въ мистической купаясь мглѣ...²

Такому языку естественно было какъ бы выступать изъ своихъ широкихъ, правда, но все же исторически замкнутыхъ береговъ, въ смутномъ исканіи всемірнаго простора. Въ немъ заложена была распространительная и собирательная воля; онъ былъ знаменованъ знакомъ сверхнаціональнаго, синтетическаго, всеобъединяющаго назначенія. Ничто славянское ему не чуждо: онъ положенъ среди языковъ славянскихъ какъ нѣкое средоточное вмѣстилище, открытое всему, что составляетъ родовое наслѣдіе великаго племени.

Съ такимъ языкомъ легко и самопроизвольно росла русская держава, отмѣчая постепенно достигаемую ею мѣру своего органическаго роста возженіемъ на окраинахъ царства символическихъ храмовыхъ созвѣздій. Съ такимъ языкомъ народъ нашъ не могъ не исполниться вѣрою въ ожидающее его религіозное вселенское дѣло.

Какъ Шопенгауэру казалось, что истинный стихъ отъ вѣка предопредѣленъ и зачатъ въ стихіи языка, такъ — мнится — искони посѣяны въ ней и всякое гениальное умозрѣніе, отличительное для характера націи, и всякая имѣющая процвѣсти въ ней святость. И Пушкинъ, и св. Сергій Радонежскій обрѣтаютъ не только формы своего внутренняго опыта, но и первые тайные позывы къ предстоящему имъ подвигу подъ живымъ увѣемъ роднаго «словеснаго древа», питающаго свои корни въ Матери-Землѣ, а вершину возносящаго въ тонкій эфиръ софійной голубизны.

III.

Что же мы видимъ нынѣ, въ эти дни буйственной слѣпоты, одержимости и безпамятства?

² Вариантъ послѣднихъ двухъ строкъ стихотворенія Вяч. Иванова «Русскій умъ» (1890 г.).

Языкъ нашъ святъ: его *кощунственно* оскверняютъ богомерзкимъ бѣсивомъ — неимовѣрными, безсмысленными, безликими словообразованіями, почти лишь звучаніями, стоящими на границѣ членораздѣльной рѣчи, понятными только какъ переключка сообщниковъ, какъ разинское «сарынь на кичку». Языкъ нашъ богатъ: уже давно хотятъ его обѣднить, свести къ насущному, полезному, механически-цѣлесообразному; уже давно его забываютъ и растериваютъ — и на добрую половину перезабыли и по-растеряли. Языкъ нашъ свободенъ: его оскопляютъ и укрощаютъ; чужеземною муштрой ломаютъ его природную осанку, уродуютъ поступь. Величавъ и ширококрылъ языкъ нашъ: какъ старательно подстригаютъ ему крылья, какъ шарахаются въ сторону отъ каждаго вольнаго взмаха его памятливыхъ крылъ!

Въ обиходѣ образованныхъ слоевъ общества уже давно языкъ нашъ растратилъ то исконное свое достояніе, которое Потебня³ называлъ «внутреннею формою слова». Она сохлась въ словѣ, опустошенномъ въ ядрѣ своемъ, какъ сгнившій орѣхъ, обратившемся въ условный мѣновой знакъ, обезпеченный наличнымъ запасомъ понятій. Орудіе потребностей повседневнаго обмѣна понятіями и словесности обыденной, языкъ нашихъ грамотеевъ уже не живая дубрава народной рѣчи, а свинцовый наборъ печатника.

Чувствованіе языка въ категоріи орудійности составляетъ психологическую подоснову и пресловутой орѳографической реформы.

IV.

Языкъ нашъ запечатлѣвается въ благолѣпныхъ письменахъ: измышляютъ новое, на видъ упрощенное, на дѣлѣ же болѣе затруднительное, — ибо менѣе отчетливое, какъ стертая монета, — правописаніе, которымъ нарушается преемственно сложившаяся соразмѣрность и законченность его начертательныхъ формъ, отражающая вѣрнымъ зеркаломъ его морфологическое строеніе. Но чувство формы намъ претитъ: разнообразіе формъ противно началу все изглаживающаго равенства. А преемственностью можетъ ли дорожить умонастроеніе, почитающее единственнымъ мѣриломъ дѣйственной мощи — ненависть, первымъ условіемъ творчества — разрывъ?

Божественныя слова: «Суббота для Человѣка, а не Человѣкъ для Субботы», — мы толкуемъ рабски, не по Божьи и не по-людски: если бы эти слова отнимали у Человѣка Субботу, умаленъ былъ бы ими ликъ Человѣка; но они, напротивъ, впервые даруютъ Человѣку Субботу Господню, и только въ своемъ божественномъ ликѣ Человѣкъ возвышается и надъ Субботою. Такъ всякое духовное послушаніе преобразуется въ духовную власть. Законъ правыхъ отношеній въ великомъ — вѣренъ себѣ и въ маломъ: чѣмъ больше уставности, тѣмъ меньше разрушительнаго произвола и насильственной принудительности.

Нелѣпо исходить изъ предположенія, что какая-либо данность, подлежащая школьному усвоенію, можетъ измѣняться въ зависимости отъ условій этого усвоенія или должна къ нимъ приспособляться: данность гетерономна школѣ, но послѣдняя вольна опредѣлить свое отношеніе къ данности, найти мѣру отвѣтствующаго ея цѣлямъ усвоенія. Строго говоря, полное практическое овладѣніе орѳографіей языка потребно однимъ типографскимъ корректорамъ, какъ мастерство каллиграфическое — дѣло краснописцевъ; но то и другое искусства суть цѣнности сами по себѣ. Нелѣпа и мысль, что наилучшею въ разсужденіи грамотности школою была бы школа, вовсе избавленная отъ всякой заботы о правописаніи. Ибо правописаніе

³ Потебня Александръ Афанасьевичъ (1835—1891) — филологъ, этнографъ. Вслѣдъ за В. Гумбольдтомъ развивалъ идею внутренней формы слова.

(разумѣтся, правильно преподаваемое) есть средство къ болѣе глубокому познанію языка, начало его осознанія путемъ рефлексіи и побужденіе къ художественному любованію его красотой. Изученіе уставовъ правописанія можетъ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ уподоблено занятіямъ анатоміею въ мастерскихъ ваянія или живописи. Слѣдовательно, оно же и воспитательно, если одною изъ задачъ воспитанія должно быть признано развитіе патріотизма.

Что до эстетики, элементарное музыкальное чувство предписываетъ, на примѣръ, сохраненіе твердаго знака для ознаменованія ирраціональнаго полугласнаго звучанія, подобнаго обертону или кратчайшей паузѣ, въ словахъ нашего языка, ищущихъ лапидарной замкнутости, перенагруженныхъ согласными звуками, часто даже кончающихся цѣлыми гнѣздами согласныхъ и потому нуждающихся въ опорѣ нѣмой полугласной буквы, коей, несомнѣнно, принадлежитъ и нѣкая фонетическая значимость. Вообще, выносить приговоры о фонетическомъ состояніи живой народной рѣчи (на примѣръ, отрицать звуковое различіе между Е и Ъ) правомѣрно было бы лишь на основаніи строжайшихъ и непремѣнно повсемѣстныхъ изслѣдованій такового при помощи чувствительныхъ снарядовъ, автоматически изображающихъ тончайшія его особенности и отличія.

Съ точки же зрѣнія интересовъ культуры, которая, по существенному своему признаку, должна быть понимаема, прежде всего, какъ преданіе и преемство, насколько желательное усовершенствованіе правописанія (на примѣръ, возстановленіе начертанія «врѣмя»), настолько опасны притязанія предопредѣлить направленіе преобразованій, подчинить ихъ какой-либо (утилитарной или иной) тенденціи. Представимъ себѣ только, какія послѣдствія для духовной жизни всего человѣчества повлекло бы за собою измѣненіе эллинскаго правописанія въ періодъ византійской, письменное закрѣпленіе воспреобладавашаго въ эту пору фонетизма (а именно, іотаизма): ключъ, открывающій намъ доступъ въ сокровищницы древности, надолго, если не навсегда, былъ бы утерянъ, и, быть можетъ, только новѣйшіе успѣхи эпиграфики позволили бы кое-какъ нащупать въ потемкахъ потайные ходы въ заколдованную округу священныхъ развалинъ. А фонетическая транскрипція современнаго англійскаго говора сдѣлала бы говорящихъ по-англійски негровъ — въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, — полноправными преемниками и носителями британскаго имени.

V.

Языкъ нашъ неразрывно сросся съ глаголами церкви: мы хотѣли бы его обмірщити⁴. Подобнымъ же образомъ кустари новѣйшей украинской словесности хватаютъ пригоршнями польскія слова, лишь бы вытѣснить и искоренить реченія церковно-славянскія изъ преобразуемаго ими въ самостоятельную мольвь нарѣчія. Наши языковѣды, конечно, вправѣ гордиться успѣшнымъ рѣшеніемъ чисто-научной задачи, заключавшейся въ выдѣленіи исконно-русскихъ составныхъ частей нашего двуипостаснаго языка; но теоретическое различеніе элементовъ русскихъ и церковно-славянскихъ отнюдь не оправдываетъ произвольныхъ новшествъ, будто бы «въ русскомъ духѣ»⁵, и общаго увлеченія практическимъ провинціализмомъ, какимъ должно быть признано вождельніе сузить великое вмѣстилище нашей вселенской славы, обрусить — смѣшно сказать! — живую русскую рѣчь. Имъ самимъ слишкомъ

⁴ Проф. П. Н. Сакулинъ въ книгѣ, написанной имъ въ защиту новой упрощенной орфографіи, оправдываетъ реформу именно какъ «секуляризацію» правописаній. [Сакулинъ Павелъ Никитичъ (1868—1930) — литературовѣдъ. Вяч. Ивановъ имѣетъ въ виду его книгу «Реформа русскаго правописанія» (Пг., 1917). — Прим. изд.]

⁵ Удивительные по «творческому» размаху примѣры такихъ новшествъ можно найти въ той же книгѣ проф. Сакулина: см. хотя бы рѣшеніе вопроса о правописаніи прилагательныхъ въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа трехъ родовъ.

мъ вѣдомо, что, пока звучитъ она, будутъ звучать въ ней роднымъ, неотъемлемо-присущимъ ей звукомъ и когда-то напѣтыя надъ ея колыбелью далекія слова, какъ «рожденіе» и «воскресеніе», «власть» и «слава», «блаженство» и «сладость», «благодарность» и «надежда»...

Нѣтъ, не можетъ быть обмірщень въ глубинахъ своихъ русскій языкъ! И довольно народу, нѣмотствующему про свое и лопочущему только что разобранное по складамъ чужое, — довольно ему заговорить по-своему, по-русски, чтобы вспомнить и Мать сыру-Землю съ ея глубинною правдой, и Бога въ вышнихъ съ Его закономъ.